

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Любимые рассказы
**АНГЛИЙСКОЙ
КОРОЛЕВЫ**

*Шедевры
сатиры и юмора*

Москва

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л 93

Составление *А. Ливерганта*

Перевод с английского

Разработка серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Джорджа Хейтера*

Л 93 **Любимые** рассказы английской королевы : шедевры сатиры и юмора / Сост. А. Ливерганта. — Москва : Э, 2015. — 416 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-78958-0

Лучшие афоризмы и литературные анекдоты, пародии, юмористические рассказы, очерки и эссе известных авторов — Дж. Свифта, Дж. Остен, Ч. Диккенса, О. Уайльда, Г. Честертон — представлены в сборнике. Неподражаемый юмор, сатира и ирония — замечательное средство против стресса от классиков жанра.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

- © А. Ливергант, составление, перевод, 2015
- © С. Белов, перевод. Наследник, 2015
- © М. Шерешевская, перевод. Наследники, 2015
- © И. Бернштейн, перевод. Наследники, 2015
- © В. Хинкис, перевод. Наследники, 2015
- © М. Богословская, перевод. Наследники, 2015
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-78958-0

АНГЛИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНЕКДОТ

Уильям Шекспир

Однажды, когда Бербедж играл Ричарда III, одной вдовушке актер так полюбился, что она по окончании спектакля пригласила его прийти к ней в тот же вечер в костюме Ричарда. Услышав их разговор, Шекспир отправился к вдове раньше Бербеджа и с ней развлекся; когда же слуга объявил, что явился Ричард III, Шекспир заметил: «Вильгельм Завоеватель был раньше Ричарда III».

Джон Драйден

Драйден сам про себя говорил, что нрава он невеселого и особым чувством юмора не отличается. Тем не менее одна из его *bon mots*¹ сохранилась. Поэт не особенно ладил со своей супругой леди Элизабет, на ней, если верить досужим сплетням того времени, его вынудил жениться один из ее братьев. Однажды леди Элизабет, на которую уединившийся в своем кабинете бард не обращал никакого внимания, не выдержала.

¹ Острот (*фр.*).

— Бог мой, Драйден, — воскликнула она, — сколько можно корпеть над этими пыльными фолиантами?! Жаль, что я не книга, — тогда бы вы, может быть, уделяли мне больше внимания.

— Дорогая, — отвечал Драйден, — если вам так уж хочется быть книгой, будьте альманахом — тогда бы я менял вас каждый год.

Даниэль Дефо

Лет восемьдесят назад в деревне к западу от Труро, никак не меньше чем в пяти милях от приходской церкви, негде было помолиться. Здесь не было не только храма, но даже священных книг, если не считать молитвенника, стоявшего на полке в деревенском трактире рядом со знаменитой историей Робинзона Крузо. Однажды летом, испугавшись внезапно разразившейся сильной грозы, жители деревни сбежались в местный паб и попадали на колени. Молитву должен был читать отданный хозяйке в услужение молодой парень по имени Джек. В спешке вместо молитвенника схватил он с полки «Робинзона» и, опустившись на колени, стал, запинаясь и торопясь, читать из него. Наконец, когда он произнес имя Пятницы, хозяйка, сообразив, что произошло, закричала:

— Да ты не ту книгу взял, Джек! Ты молишься по «Робинзону Крузо».

Джек, однако, воспринял ее слова как оскорбление и как ни в чем не бывало продолжал читать, заявив, что «Робинзон Крузо» способен остановить гром и молнию ничуть не хуже молитвенника.

Мистер Тони, почтенный олдермен из Оксфорда, так любил «Робинзона Крузо», что перечитывал роман Дефо каждый год, полагая, что все написанное в этой книге — чистая правда. На его беду, один приятель как-то объяснил ему, что вымысла здесь куда больше, чем правды, и что история шотландского моряка Александра Селкерка, оказавшегося в результате кораблекрушения на необитаемом острове Хуан-Фернандес, сочинителем Даниэлем Дефо сильно приукрашена.

— Быть может, вы и сказали правду, — заметил олдермен, — но лучше б я ее не знал, ибо, раскрыв мне глаза на то, как обстояло дело, вы лишили меня одного из самых больших удовольствий преклонных лет.

Джонатан Свифт

Александр Поп рассказывает:

«Как-то вечером мы с Геом решили навестить Свифта — вы же знаете, как мы были близки с ним. Декан встретил нас весьма сухо:

— Чему обязан, джентльмены? Что это вы вдруг решили променять знатных господ на бедного церковного настоятеля?

— Просто мы предпочитаем их обществу ваше.

— Если бы я не знал вас так хорошо, то, быть может, вашим словам и поверил. Что ж, коли пришли, прошу разделить со мной скромную мою трапезу.

— Благодарствуйте, — отвечал я, — но мы только что отужинали.

— Отужинали?! Но ведь еще нет восьми!

— И тем не менее.

— Странно, очень странно. В таком случае я ваш должник. Предположим, я угостил бы вас омарами. Скажем, по цене в два шиллинга. Пироги — кладите шиллинг. Надеюсь, что, хоть вы и ужинали сегодня раньше времени, чтобы разорить меня, вы соблагovolите распить со мной бутылку вина?

— Увольте, мы пришли не пить, а разговаривать с вами.

— В таком случае считаем и вино — оно обошлось бы мне никак не меньше чем в два шиллинга. Два да два — четыре, да один — всего пять шиллингов. Вот, Поп, ваши полкраны. А это — ваши, Гей. Должен же я, в самом деле, хоть как-то восполнить своим друзьям отсутствие доброго ужина, не так ли?»

Однажды, когда настоятель собора Святого Патрика был в отъезде, а Стелла жила в доме его друга, человека славного, благородного и весьма гостеприимного, к нему приехал обедать один джентльмен, которому история отношений настоятеля и Стеллы была неизвестна. Поскольку в те дни только и было разговоров что о поэме Свифта «Каденус и Ванесса», гость заметил:

— Должно быть, Ванесса удивительная женщина, раз мистер Свифт сочинил о ней столь замечательную поэму.

Миссис Джонсон улыбнулась и ответила, что она в этом не убеждена, ведь хорошо известно, что Джонатан Свифт прекрасно пишет даже о метле.

Однажды, совершая прогулку из Лондона в Честер, настоятель Свифт, прячась от грозы, стоял на дороге под раскидистым дубом неподалеку от

Личфилда. Тут к нему присоединились мужчина и беременная женщина, также застигнутые грозой. Выяснилось, что молодые люди направлялись в Личфилдскую церковь, где их должны были обвенчать. Поскольку женщина была на сносях и нельзя было терять ни минуты, настоятель предложил молодым людям, что обручит их прямо здесь, под деревом. Предложение было с благодарностью принято, обряд бракосочетания совершен, и, когда небо прояснилось, молодые люди уже собрались было пуститься в обратный путь, но тут жених вдруг вспомнил, что без письменного свидетельства брак их недействителен. Вот что написал ему настоятель Свифт:

В листе укрывшись в дождь и ветер,
Мошеника и шлюху встретил.
Теперь их может развести
Лишь Тот, кто знает все и вся.

Александр Поп

«Кто этот Поп, о котором столько разговоров? — осведомился однажды Георг II. — Не могу взять в толк, чем он хорош. И почему мои подданные не пишут прозой? Я часто слышу и о Шекспире, но его я читать и вовсе не в состоянии — очень уж мудрено изъясняется».

Сэмюэль Ричардсон

Отрывки из «Памелы» поначалу печатались во многих газетах, в том числе и в Престоне, в Ланкашире, где тогда жила моя тетушка. Однажды

утром, подойдя к окну, тетушка увидела, что на колокольне развевается флаг, и услышала звон колоколов. Служанка, которую она вызвала, чтобы узнать, что происходит, влетела в комнату, сияя от счастья, и прямо с порога закричала:

— Разве вы не знаете, сударыня?! Бедняжка Памела наконец-то вышла замуж — об этом в утренней газете сказано!

Однажды, когда миссис Барболд ехала в почтовой карете в Хэмпстед, она разговорилась с сидящим рядом французом. Оказалось, тот специально отправился на экскурсию в Хэмпстед, чтобы «собственными глазами» увидеть дом на Флакс-Уоке, где жила Кларисса Гарлоу. Каков комплимент гению Ричардсона!

Генри Филдинг

При жизни Филдингу так и не довелось позировать Хогарту. Знаменитый художник написал его портрет по памяти и, несмотря на это, добился поразительного сходства. Рассказывают, что Хогарт обязан своим успехом Гаррику, который неожиданно явился к художнику, на удивление точно копируя походку и манеры великого романиста.

Услышав, что его друг удручен, ибо погряз в долгах, Филдинг искренне удивился:

— Эка невидаль! Как бы я был счастлив, если бы мой долг составил жалких пятьсот фунтов!

Сэмюэль Джонсон

По словам миссис Дигби, ей и ее сестре миссис Брук, когда они жили в Лондоне, часто оказывал честь своими визитами доктор Джонсон. Однажды он посетил их вскоре после выхода в свет своего бессмертного словаря. Обе дамы всячески словарь расхваливали и, среди прочего, остались довольны тем, что в нем напрочь отсутствуют неприличные слова.

— Ага! Так, стало быть, вы их искали, мои дорогие! — вскричал моралист.

Смутившись, дамы поспешили сменить тему и больше к Словарю английского языка не возвращались.

Одна весьма достойная юная дама была свидетельницей того, как принимали доктора Джонсона в литературном салоне покойной миссис Монтею.

Не успел наш литературный колосс войти в залу, как он был немедленно окружен несколькими юными дамами, которые взирали на него так, словно он был каким-то чудовищем из африканских пустынь.

— Не бойтесь, сударыни, — успокоил их доктор Джонсон. — Я приручен. Вы можете даже меня погладить.

На обедах у адмирала Уолсингэма собирались такие разные люди, как герцог Камберлендский, доктор Джонсон, глазной врач мистер Нэрн, оперный певец мистер Леони. Однажды присут-

ствовавший на обеде молодой задиристый офицер заявил, что берется проучить старого медведя, перед которым все испытывают священный страх. За едой Джонсон был глух к дерзостям молодого человека, однако затем, когда тот сказал: «Держитесь веселей, доктор Джонсон, не отмалчивайтесь, скажите-ка нам, что бы вы дали, чтобы стать таким же молодым и энергичным, как я?» — отпарировал: «Я, пожалуй, чтобы не отстать от вас, отдал бы свой ум».

Лоренс Стерн

Вскоре после того, как «Тристрам Шенди» увидел свет, Стерн спросил одну знатную даму, читала ли она его книгу.

— Нет, мистер Стерн, не читала. Мне, если хотите всей правды, очень не советовали за нее браться. Говорят, она чудовищно непристойна.

— Помилуйте, — отвечал автор «Тристрама», — вы меня удивляете. Взгляните хотя бы на вашего младенца. (Тот в это время голышом катался по ковру.) Ему ведь случается показывать миру то, что принято скрывать, но разве его поведение назвешь непристойным?

Оливер Голдсмит

Голдсмиту вечно доставалось от доктора Джонсона, который был не в пример остроумней и язвительней. Но однажды отличился и Голдсмит. Разговор зашел о баснях. Голдсмит заметил, что берется написать хорошую басню, ибо дело это

несложное, нужно только, чтобы звери говорили каждый «на своем языке», что, впрочем, баснописцам удается не часто.

— Взять, к примеру, басню о рыбках, — продолжал Голдсмит, — которые, позавидовав крылатым, попросили Юпитера обратить их в птиц. — Тут, заметив, что Джонсон еле сдерживается от смеха, Голдсмит прервал свою тираду и обратился к приятелю со следующими словами: — Это, между прочим, не так просто, как кажется. Если бы случилось изобразить рыб вам, доктор Джонсон, они бы больше смахивали на китов.

Ричард Бринсли Шеридан

Шеридан не только не обиделся, но остался очень доволен, когда один из членов труппы припомнил слова критика Мери, сказанные им на премьере «Школы злословия» в конце второго акта: «Хватит действующим лицам болтать! Пора начинать пьесу!»

Однажды вечером, когда в Друри-Лейн шла «Школа злословия», театру оказали честь своим посещением Его и Ее Величества. Садясь после спектакля в карету, король сказал провожавшему его Шеридану:

— «Школа злословия» мне очень нравится, но «Соперников» я, признаться, люблю больше. Могу их смотреть бесконечно.

— Когда же, мистер Шеридан, мы увидим ваш очередной шедевр? — в свою очередь, поинтересовалась у драматурга королева, на что Шеридан

ответил, что пишет комедию, которую в самом скором времени собирается закончить.

На следующий день, гуляя с ним по Пикадилли, я спросил, сказал ли он королеве, что пишет пьесу. Шеридан ответил утвердительно.

— А по-моему, — сказал я, — вы уже больше ничего не напишете. Вы ведь боитесь.

— Кого же я боюсь? — спросил Шеридан.

— Автора «Школы злословия», — ответил я.

Колридж, не без влияния Шеридана, в один прекрасный день сочинил трагедию, играть которую решили в Друри-Лейн. На читке пьесы присутствовал и Шеридан, который остроумной шуткой чуть было не испортил все дело. Действие одной из сцен происходило в пещере, со стен которой сочилась вода. Монолог одного из героев, укрывшегося в пещере, начинался — очевидно, не случайно — со слов: «Воды, воды!» На этом месте Шеридан не выдержал и воскликнул:

— Какая несправедливость! Герои трагедии мучаются жаждой, между тем как сама трагедия — одна сплошная вода!

Роберт Бёрнс

Рассказывают, что Бёрнс любил демонстрировать искусство пахаря. Как-то он поспорил с одним крестьянином, кто больше вспашет. Бёрнсу взять верх не удалось.

— Вот видишь, Роберт, — сказал крестьянин, — у меня получается ничуть не хуже.

— Слов нет, — отвечал Бёрнс, — пашешь ты отменно, но кое в чем ты все-таки уступил мне. За это время я сочинил два стихотворения!

Уильям Вордсворт

Однажды, гуляя по Пэлл-Мэлл, мы с Вордсвортом вошли в антикварную лавку «Кристис», где висела очень хорошая копия «Преображения», которую он раскритиковал в пух и прах. В углу стояла скульптура целующихся Купидона и Психеи. Повернувшись спиной к «Преображению», Вордсворт с выражением лица, которое я никогда не забуду, покосился на Купидона и Психею и процедил: «Вот черти!»

Когда кто-то заметил, что следующим романом Скотта будет «Роб Рой», Вордсворт снял с полки свой том «Баллад», прочел вслух «Могилу Роб Роя», а затем, поставив том обратно, заметил:

— По-моему, к уже сказанному мистеру Скотту добавить больше нечего.

Один мелкий банковский служащий пытался убедить своего собеседника, будто большую часть стихов Вордсворта написал в темноте. «Вам, наверно, не верится, однако это чистая правда — он сам мне рассказывал. Обычно это происходило так: перед тем как лечь спать, Вордсворт клал карандаш и бумагу у своего изголовья, и, как только вдохновение посещало его, он, не медля ни секунды, даже не зажигая свечи, принимался сочинять стихи. Нет сомнения, — продолжал чиновник за-